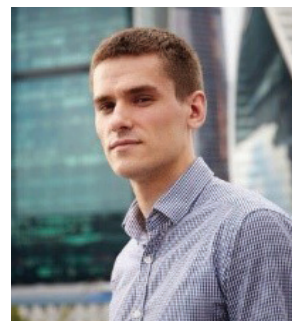

РАЗДЕЛ СЕМЕЙНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ПРИ НАЛИЧИИ ТРАСТА

Аннотация. Каким бы глобальным и транснациональным ни был бизнес его бенефициаров, какие бы модели опосредованного владения ни применялись, семья была и остается традиционным каналом для сохранения, приумножения и передачи активов следующим поколениям. Массовое использование офшорных и трастовых схем стало обыденным для российского предпринимательства, когда внутренний гражданский оборот буквально наводнен номинальными структурами, происходящими из иностранных юрисдикций. В статье проводится компаративный анализ института траста в основных юрисдикциях его применения — Великобритании и США, а также анализируется влияние указанного института на формирование российской судебной практики. Учитывая опыт громких бракоразводных процессов последних лет, автор пытается ответить на вопрос, подлежит ли разделу трастовое имущество при разводе супругов, если один из них — бенефициар.

Ключевые слова: траст, права супруга, права бенефициара, общая совместная собственность супругов, раздел имущества при разводе.

**Денис Сергеевич
ВОЛКОВ,**

аспирант кафедры
международного частного
права Университета
имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)

d.volkov.msal@gmail.com

125993, Россия, г. Москва,

ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2019.62.10.173-178

D. S. VOLKOV,

postgraduate student of the Department of International Private Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

d.volkov.msal@gmail.com

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

DISTRIBUTION OF FAMILY PROPERTY IN THE USE OF TRUST

Abstract. No matter how global and transnational the business of its beneficiaries is, no matter what models of indirect ownership are used, the family has been and remains a traditional channel for preserving, increasing and transferring assets to future generations. The massive use of offshore and trust schemes has become commonplace for Russian entrepreneurship, when domestic civil circulation is literally flooded with nominal structures originating from foreign jurisdictions. This article contains comparative analysis of the trust institute in the main jurisdictions of applicability — Britain and the USA, and also includes examine of influence of the institute on court practice development in the Russian Federation. Given the experience of high-profile divorce proceedings in recent years, the author is trying to answer the question of whether trust property is subject to division in case of divorce of spouses, if one of them is the beneficiary.

Keywords: trust, spouse's rights, beneficiary's rights, matrimonial property, division of property in divorce.

© Д. С. Волков, 2019

В юрисдикциях англо-американской правовой семьи важнейшую роль в гражданском обороте играет институт, континентально-правовой семье практически незнакомый, который именуется трастом.

Траст (от англ. trust — доверие) принято определять как фидуциарное правоотношение, участниками которого являются учредитель траста (settlor), передающий другому лицу — доверительному собственнику или трасти (trustee) — имущество для управления в интересах третьего лица — бенефициара (beneficiary)¹.

Исторически траст — продукт английского права справедливости (equity), которое в течение столетий развивалось параллельно английскому общему праву (common law) и даже администрировалось отдельной системой судов. Во второй половине XIX в. две судебные подсистемы слились, но два названных блока прецедентных правовых норм так и остались относительно независимыми².

В Великобритании и США трасты достаточно широко используются в семейных делах, так как семья была и остается традиционным каналом для сохранения, приумножения и передачи активов следующим поколениям. Между тем в каждой из указанных юрисдикций существуют свои правила, касающиеся правового режима семейного имущества.

Особенность английского права заключается в том, что ему неведомо понятие общей совместной собственности супругов. Имущество, нажитое в браке каждым из супругов, принадлежит только ему. Статус имущества не предопределен брачными отношениями, а устанавливается собственным волеизъявлением супругов либо той или иной специальной нормой права³.

Однако, как показывает практика, английский суд активно использует широкие дискреционные правомочия на перераспределение активов между разводящимися супругами, а также назначение алиментов в пользу одного из супругов⁴.

Так, в деле *Slutsker v. Haron Investments Ltd & Summit Trustees (Cayman) Ltd* (Решение Высокого Суда Англии, 2012 г.)⁵ суд посчитал, что экс-супруг может быть без его согласия исключен из состава бенефициаров семейного дискреционного траста.

Брак Владимира Слуцкера (известного бизнесмена, а также члена Совета Федерации РФ в период 2002—2010 гг.) и Ольги Слуцкер (бывшей спортсменки и основателя сети фитнес-клубов World Class) был расторгнут в 2009 г. Предметом спора между бывшими супругами был особняк, находящийся в Лондоне, приобретенный супругами в 2000 г. за 6 млн ф. ст. (на момент разбирательства спора стоимость составляла около 40 млн ф. ст.).

Суд установил, что указанный особняк был приобретен в 2000 г. и зарегистрирован в 2001 г. на имя офшорной компании Haron Investments Ltd, бенефици-

¹ См.: Black's Law Dictionary, 7th ed. / editor B. Garner. West Group, St. Paul, 1999. P. 1513.

² См.: English Private Law / ed. by A. Burrows. Oxford University Press, 2013. § 4.140 — 4.144.

³ См.: Будылин С. Л. Титулы и ценности. Раздел семейного имущества и трасты // Закон. 2017. № 2.

⁴ Будылин С. Л. Указ. соч.

⁵ См.: *Slutsker v. Haron Investments Ltd & Summit Trustees (Cayman) Ltd* [2012] EWHC2539 (Ch) // URL: <https://familylawhub.co.uk/default.aspx?i=ce2404&sthash.mfvGqIDJ.dpuf> (дата обращения: 20.09.2019).

циаром которой стала Ольга Слуцкер. В дальнейшем в 2001 г. акции компании Haron Investments Ltd были переданы в доверительное управление в дискреционный траст, созданный на Каймановых островах. Доверительным собственником траста выступала компания Summit Trustees (Cayman) Ltd, обладающая широкими дискреционными полномочиями, в том числе на изменение состава бенефициаров траста. Учредителем траста выступала Ольга Слуцкер, а бенефициарами траста были назначены Ольга, Владимир Слуцкер, дети Ольги (как уже родившиеся, так и будущие), родители Ольги, родители Владимира и «благотворительность».

После развода в 2009 г. доверительный собственник (Summit Trustees (Cayman) Ltd), воспользовавшись своими полномочиями, исключил Владимира Слуцкера из числа бенефициаров траста. В результате муж, полагавший, что он имеет право как минимум на половину особняка, остался без каких-либо прав на него. Он обратился в английский суд с иском, ссылаясь на то, что по российским законам имущество является совместной собственностью, поэтому жена не имеет права присваивать особняк себе. Более того, в качестве аргумента истец указывал на отсутствие согласия при приобретении особняка (как того требует п. 2 ст. 35 Семейного кодекса РФ) и дальнейшую его передачу в траст.

По мнению ответчиков, Владимир Слуцкер дал свое согласие на приобретение спорного имущества, кроме того, истец утратил право оспаривания сделки по покупке особняка, поскольку им пропущен трехлетний срок исковой давности (п. 1 ст. 196 Гражданского кодекса РФ).

Особый интерес это дело вызывает тем, что суд анализирует российское право на предмет того, какой статус в нем имеет интерес бенефициара (beneficial interest) в имуществе траста. Если один из супругов — бенефициар траста, можно ли считать его интерес имуществом, потенциально подлежащим включению в совместную собственность супругов по российским законам? Или же, поскольку понятие траста российскому праву неизвестно, учитывать при разделе имущество, находящееся в трасте, не нужно?

Во всех подробностях обсудив содержание ст. 35 Семейного кодекса РФ (включая нюансы ее перевода на английский язык) и других применимых норм российского права, судья пришел к следующим выводам.

Во-первых, истец дал свое согласие на покупку особняка (как этого требует российское семейное законодательство) и дальнейшую его передачу в траст (этот факт был установлен судом). Во-вторых, истец осознавал тот факт, что создаваемый офшорный траст, очевидно, не может регулироваться российским правом и что переданное в траст имущество, очевидно, не может подпадать под режим совместной собственности супругов по Семейному кодексу РФ. Соответственно, требования истца, основанные на режиме совместной собственности по российскому праву, противоречат его первоначальным намерениям по передаче имущества в траст в интересах детей. В-третьих, даже если не принимать во внимание аргумент о согласии истца на покупку дома, истец утратил право оспаривания сделки по покупке дома, поскольку им пропущен трехлетний срок исковой давности (если применять п. 2 ст. 35 Семейного кодекса РФ и п. 1 ст. 196 Гражданского кодекса РФ) или годовой срок давности (если применять п. 3 ст. 35 Семейного кодекса РФ).

В результате судья отклонил иск истца по вышеуказанным основаниям. Апелляционный суд впоследствии полностью поддержал это решение⁶. Приведенное дело является ярким примером, когда английский суд отказался считать права бенефициара в трасте имуществом для целей определения состава совместного имущества супругов по российскому праву.

Особенность регулирования правового режима семейного имущества в США заключается в том, что в большинстве штатов применяется концепция брачного имущества (marital estate), а в десяти штатах действует режим общей совместной собственности супругов (community property), напоминающий российский. Имущество супругов, признаваемое брачным, при разводе перераспределяется между ними в таких долях, какие судья сочтет справедливым. Имущество супругов, признаваемое совместным, при разводе делится между ними пополам⁷.

Так, в деле *Pfannenstiehl v. Pfannenstiehl* (решение Верховного Суда Массачусетса, 2016 г.)⁸ суд посчитал, что бенефициарный интерес в дискреционном трасте не является имуществом супруга.

Курт и Диана Пфанненштиль заключили брак в 2000 г. и имеют двух детей с особыми потребностями. Курт страдал расстройствами развития: синдромом дефицита внимания и дислексией, но родители устроили его на высокооплачиваемую работу в книжном магазине. Диана была офицером в резерве армии США, но отказалась от своей должности всего за 2 года до возможности получения пенсии по просьбе Курта и его семьи, чтобы заботиться о своей дочери.

Отец Курта сделал его одним из бенефициаров своего семейного траста (другими бенефициарами были остальные его дети (брат и сестра Курта) и внуки), выплаты из которого составляли значительную часть семейного бюджета супругов. Брат Курта, который также возглавлял семейный бизнес, вместе с давним адвокатом семьи были назначены доверительными собственниками. Выплаты Курту прекратились накануне развода (2010 г.), но продолжились для других бенефициаров траста (вполне вероятно, это было сделано для того, чтобы избежать их учета при разводе). Траст имел безотзывный и дискреционный характер. Трастовый документ также содержал положение о неотчуждаемости прав бенефициара (spending provision).

Суд первой инстанции постановил, что Курт имеет право требовать распределения имущества в принудительном порядке и поэтому его бенефициарный интерес, несмотря на ограничения по передаче прав бенефициара, представляет собой часть брачного имущества (marital estate), подлежащего перераспределению при разводе.

Жене судья присудил 60 % от этого имущества. Осуществив необходимые оценки, судья приказал Курту заплатить Диане более 1 млн долл. ежемесячными платежами в течение двух лет. Поскольку доверительные собственники траста отказались финансировать эти выплаты, муж вскоре оказался не в состоянии их

⁶ См.: Slutsker v. Haron [2013] EWCA Civ 430 // URL: <https://familylawhub.co.uk/default.aspx?i=се3154> (дата обращения: 20.09.2019).

⁷ См.: Будылин С. Л. Указ. соч.

⁸ См. *Pfannenstiehl v. Pfannenstiehl*, 475 Mass. 105 (2016) // URL: <http://masscases.com/cases/sjc/475/475mass105.html#back1> (дата обращения: 20.09.2019).

осуществлять и прекратил платежи. Тогда судья по ходатайству жены признал его виновным в неуважении к суду и отправил в тюрьму.

Суд апелляционной инстанции отменил решение о неуважении к суду, сославшись на то, что муж написал письмо доверительным собственникам с просьбой продолжить платежи, однако те не послушались. Вместе с тем апелляция согласилась с тем, что интерес мужа в трасте подлежит учету при перераспределении семейного имущества⁹.

Рассмотрение спора в первой и апелляционной инстанциях стало наглядным примером потенциальной возможности для судов быть склонными к конкретным фактам, а также к готовности рассматривать воспринимаемую социальную несправедливость. Курта поддерживала богатая семья, он и его родители заставили Диану отказаться от своей карьеры и будущей безопасности в финансовом отношении. Супруги стали полагаться на выплаты из траста. Курт подал на развод, и его брат с семейным адвокатом перестали осуществлять выплаты. Соответственно, нижестоящий суд пошел на все, чтобы вынести решение в пользу Дианы. К сожалению, в ходе этого процесса оба суда проигнорировали принцип беспристрастности.

Верховный суд Массачусетса отменил решения суда первой и апелляционной инстанций, отправив дело на новое рассмотрение. По мнению суда, бенефициарный интерес Курта к трасту не был определенным, потому что условия трастового документа допускали неравное распределение среди группы бенефициаров и доверительные собственники имели дискреционное право осуществлять или не осуществлять распределения. Соответственно, интерес Курта даже не мог быть оценен, не говоря уже о том, чтобы быть включен в качестве супружеского актива.

Российскому гражданскому праву неизвестны такие понятия, как «траст», «бенефициарная собственность», которые основаны на концепции дуализма права собственности, имеющей основание в английском праве. Иными словами, российское гражданское законодательство признает лишь юридического собственника (legal title holder), но оно не «видит» бенефициарных прав (beneficiary owner's right), которые проистекают из права справедливости (equity)¹⁰.

Так, разрешая имущественный спор между супругами П., гражданами России, в котором контроль над спорными бизнес-активами, по всей видимости, осуществлялся ответчиком через цепочку офшорных компаний и кипрский траст, Мосгорсуд, поддержав доводы суда первой инстанции, в своем апелляционном определении, в частности, указал:

«...суд правильно не принял во внимание доводы истца о признании прав бенефициарной собственности на спорные акции, поскольку указанные права не могут быть отнесены к "имуществу" как в гражданско-правовом смысле (ст. 128 ГК РФ), так и в семейно-правовом смысле (п. 2 ст. 34 СК РФ), в том числе и к имуществу, подлежащему разделу между супругами (ст. 38 СК РФ). Учитывая, что требования истца заявлены в отношении акций ПАО "НН" и акций компании "Ж", принадлежащих не П. (ответчику), а иностранным гражданам и иностранным юридическим

⁹ См.: Будылин С. Л. Указ. соч.

¹⁰ См.: Канашевский В. А. Офшорные компании и трасты. Антиофшорное регулирование. М.: Международные отношения, 2018. С. 230.

лицам... правовых оснований для удовлетворения исковых требований... о разделе общего имущества... не имеется... ст. 34 СК РФ распространяет режим общности имущества супругов лишь на такое имущество, которое непосредственно принадлежит одному или обоим супругам. Ни данная статья, ни какая-либо иная норма семейного законодательства не включают в состав общего имущества супругов то имущество, которое не принадлежит супругам или одному из супругов... ни семейное законодательство Российской Федерации... ни гражданское законодательство Российской Федерации не знают концепции «бенефициарной собственности» и не придают этому понятию никакого юридического значения. Такая собственность не является субъективным гражданским правом, поэтому ее отнесение к общему имуществу супругов и раздел между супругами невозможны»¹¹.

В соответствии с вышеприведенным судебным актом получается, что если перевести все активы на дружественную офшорную компанию, учредить дискреционный траст, стать его единственным бенефициаром, развестись в российском суде, то можно лишить супруга имущества. Вряд ли судьи рассчитывали именно на такой результат, но в будущем он может подтолкнуть к проявлению новых возможностей «семейной юридической инженерии» в российской юрисдикции¹².

Подводя итог, иностранная судебная практика свидетельствует, что при перераспределении имущества в связи с разводом следует принимать во внимание не голый правовой титул, а экономически ценные права на имущество, принадлежащие супругам. Соответственно, именно права бенефициара траста подлежат учету при разделе семейного имущества.

Говоря о российском правопорядке, по мнению автора, в настоящий момент нет никаких серьезных препятствий, чтобы использовать интеллектуально более тонкий и сущностно гораздо более справедливый подход при разрешении споров между супругами относительно имущества, права на которое носят опосредованный характер и происходят из иностранных юрисдикций. Это тем более необходимо, когда формальная чужеродность иностранных правовых моделей, массово и легально при этом используемых в собственном гражданском обороте, несколько преувеличена.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Будылин С. Л. Титулы и ценности. Раздел семейного имущества и трасты // Закон. — 2017. — № 2.
2. Канашевский В. А. Офшорные компании и трасты. Антиофшорное регулирование. — М. : Международные отношения, 2018.
3. Медведев И. Г. Супружеская собственность: испытание трастом (вопросы коллизионного регулирования) // Закон. — 2016. — № 8.
4. Black's Law Dictionary / editor B. Garner. — 7th ed. — West Group, St. Paul, 1999.
5. English Private Law / ed. by A. Burrows. — Oxford University Press, 2013.

¹¹ См.: определение Московского городского суда от 22.01.2016 по делу № 33-2311 // СПС «КонсультантПлюс».

¹² См.: Медведев И. Г. Супружеская собственность: испытание трастом (вопросы коллизионного регулирования) // Закон. 2016. № 8.